

Хэ Чжаньшу пришлось нелегко: Хуан Сяодоу, намеренно наклонившись всем телом, втиснулся к нему в объятия, а сверху на него давила ещё и большая собака. Хэ Чжаньшу приходилось удерживать вес обоих.

— Встань прямо!

— Ноги болят!

Не встану, не встану! Если встану, ты меня уже не обнимешь!

Хэ Чжаньшу пришлось одной рукой обхватить его за талию, а другой попытаться забрать бутылку, которую тот прижимал к груди.

Хуан Сяодоу вцепился в неё мёртвой хваткой, не желая отдавать. Моя! Ты же сам сказал, что она моя!

Хэ Чжаньшу приложил немного силы и вырвал бутылку.

— Я не хочу её забирать, просто ты её раздавишь!

Он переставил бутылку на соседнюю полку. Бери, бери, всё твоё, только не будь таким жадиной!

Лишившись бутылки, руки Хуан Сяодоу освободились, и он тут же обхватил Хэ Чжаньшу за талию. Теперь он касался пола лишь носком одной ноги, полностью повиснув на нём и не желая отпустить.

— Ну ты и проказник.

Хэ Чжаньшу попытался слегка оттолкнуть его за плечи, но Хуан Сяодоу только крепче сжал объятия.

— У меня в последнее время нехватка кальция.

В этот момент Хуан Сяодоу был готов сам себе ноги отрезать! Тогда бы Хэ Чжаньшу точно пришлось бы его носить на руках.

— М-м?

— Ноги болят, если немного постою, начинают дико болеть, сводит судорогой, больно-больно-больно!

Приговаривая «больно», он и вовсе поджал ту ногу, на носке которой держался, и теперь лишь двумя худенькими ручками изо всех сил впивался Хэ Чжаньшу в шею.

Хэ Чжаньшу чуть не задохнулся! Чёрт, это же шея, а не перекладина для качелей! Обхватил мою шею — теперь собираешься раскачиваться, что ли?

Оттолкнуть его было уже невозможно. Чтобы не быть задушенным, а точнее, будучи доведённым до смеха выходками Хуан Сяодоу, Хэ Чжаньшу одной рукой подхватил его под попу, другой вцепился в бок и с силой взвалил через плечо, словно мешок.

Живот Хуан Сяодоу упёрся в плечо Хэ Чжаньшу. Парень испугался, что его сейчас швырнут на пол, и крепко вцепился в одежду и плечи несущего.

Хэ Чжаньшу, обладая сильными руками, одной рукой удерживал ноги Хуан Сяодоу, чтобы тот не свалился, а другой — звонко шлёпнул его по заднице.

— Вечно ты шалишь! Ни минуты покоя! Даже во сне кувыркаешься, дрыгаешься и болтаешь! Глядя на тебя целый день, я сам устаю!

— Легче! Больно!

От этого шлепка попа Хуан Сяодоу онемела, затем загорелась, а потом разболелась, будто обожжённая.

— Вспомни-ка, что ты вчера натворил! И после этого ещё смеешь ныть, что тебе больно?

Поскольку попа была прямо под рукой, Хэ Чжаньшу без труда отвесил ему ещё один шлепок.

— Я же извинился! Ты уже наказал меня, зачем же ещё продолжаешь бить!

Шлепки сыпались один за другим, и попа Хуан Сяодоу уже горела, как от острого соуса. Наверняка распухла! Не сомневался, что если снять штаны, то на каждой половинке будет красный отпечаток ладони!

Хуан Сяодоу затрепыхался, пытаясь слезть с плеча, но Хэ Чжаньшу не отпускал, и ему оставалось только висеть вниз головой, ожидая очередного удара.

— И ещё споришь!

Третий шлепок.

— Чжаньшу, Чжаньшу, я виноват! Хороший братец, прости, я правда больше не буду!

Умный в гору не пойдёт — Хуан Сяодоу быстро сдался, понимая, что иначе ему не избежать дальнейшей расправы.

Другие «подвергаются обработке» до цветущего состояния, и это боль, смешанная с удовольствием. А если его задницу отшлёпают до цветения, так ещё и позор на весь свет. Никакого удовольствия, одна только боль!

Хэ Чжаньшу шлёпнул его ещё раз, уже не так сильно, и понёс к дивану.

Хуан Сяодоу кричал, жалуясь на боль, и ворчал себе под нос: «Что ты за мужчина, раз бьёшь свою женушку! Подаю заявление о домашнем насилии, смотри у меня!»

Потрогав свою попу, он понял, что та действительно онемела от боли. Этот негодяй бил его что есть мочи!

Хэ Чжаньшу, одной рукой поддерживая его за спину, уложил на диван. И без того горевшая от боли попа стала болеть ещё сильнее. Вид у Хуан Сяодоу был жалкий: из-за того, что он висел вниз головой, лицо покраснело, волосы растрёпаны, глаза блестели от слёз, но, несмотря на боль, он смотрел на Хэ Чжаньшу с гневом, продолжая тереть свою пострадавшую часть тела.

Упрямство, гнев, но больше всего — капризность. Он продолжал тереть попу, сердито уставившись на Хэ Чжаньшу.

Тот, увидев его упрямый вид, почувствовал смесь жалости и смеха. Хуан Сяодоу был как маленький щенок, который, ещё не успев отрастить зубы, уже пытается укусить, а потом, почувствовав, как болят дёсны, ищет утешения.

Хэ Чжаньшу протянул руку, чтобы ущипнуть его за щёку, но Хуан Сяодоу отбил её.

Попытался погладить по голове, но Хуан Сяодоу снова, не боясь смерти, отбил руку.

— Маленький проказник!

В третий раз Хэ Чжаньшу протянул руку, чтобы ущипнуть Хуан Сяодоу за подбородок, и на этот раз тот не смог сопротивляться. Хэ Чжаньшу повернул его лицо к себе, слегка приподняв, и их взгляды встретились.

Вся злость, обида, досада и гнев — всё исчезло в момент, когда их глаза встретились.

Он всего на два года старше Чжаньянь, а той уже двадцать три, но она всё ещё оставалась не повзрослевшей девушкой под опекой родителей и старшего брата, мастерски умеющей капризничать и дурачиться.

Хуан Сяодоу тоже был ещё молод, с детским характером, вспыльчивый, импульсивный, полный проказ и выдумок.

Он был пылким и солнечным, своей беспечностью подстёгивая себя продолжать идти вперёд, а притворной глупостью маскировал боль от неудач. Он всегда смеялся и продолжал стремиться к своей цели.

Хотя он и был озорным, непоседливым и шёл нехоженными тропами, но в конечном счёте разве он не просто хотел, чтобы его любили и ценили? Хотел показать себя настоящего?

Хуан Сяодоу медленно протянул руку и схватил Хэ Чжаньшу за воротник, постепенно сокращая расстояние между ними, подтягивая его ближе. Хэ Чжаньшу поддался его усилиям, приближаясь.

Его взгляд перешёл с глаз Хэ Чжаньшу на его нос, затем на губы.

Хэ Чжаньшу почувствовал лёгкое покалывание и зуд на собственных губах.

— Я буду слушаться тебя, не буду тебя злить, буду очень послушным. Ты... полюбишь меня, ладно?

Взгляд Хуан Сяодоу снова перешёл с губ Хэ Чжаньшу на его глаза.

Все его колючки сгладились, хитроумное сердечко стало чистым и невинным, послушным и мягким.

Он тихо прошептал, и в голосе слышалась мольба.

Эти слова задели Хэ Чжаньшу за живое.

Быть капризным — не страшно, шалить — тоже, быть живым и озорным — можно. Оставайся собой, главное, чтобы ты был счастлив!

Не нужно меняться, ты и так хорош.

Как весёлый боб, ты действительно прекрасен.

Хуан Сяодоу наклонился вперёд, и его губы коснулись губ Хэ Чжаньшу.

Чёрт, можно умереть в этот момент!

Их губы соприкоснулись, и тёплые губы Хуан Сяодоу прижались к его рту. Этот вечный маленький хулиган только сейчас понял, как он неуклюж, ведь он даже не умеет целоваться, просто прижимаясь губами.

Он был мастером на словах, но когда дело доходило до практики, оказывался полным профаном.

Хэ Чжаньшу первым начал действовать: его губы зашевелились, медленно втягивая, присасываясь. Пальцы, которые раньше держали Хуан Сяодоу за подбородок, теперь ласкали его щеку, касались мочки уха, пробирались в волосы, обхватывали затылок и притягивали ближе.

Кончик языка скользнул между губ Хуан Сяодоу, и, когда тот слегка приоткрыл рот, Хэ Чжаньшу втянул его верхнюю губу, а затем, когда Хуан Сяодоу открыл рот шире, проник внутрь, предварительно слегка прикусив его нижнюю губу.

Сладковато-покалывающее ощущение, будто съел конфету в сахарной глазури, а под ней — анестетик: стоит раскусить сладкую оболочку, как наркотическое оцепенение лишает мозг и тело всякого контроля.

Обнятый его руками, с пальцами, нежно массирующими кожу головы, с одной рукой, крепко обхватывающей талию, Хуан Сяодоу чувствовал, как Хэ Чжаньшу, находясь выше, наклонялся, и ему приходилось задирать голову, чтобы отвечать на поцелуй.

Закрыв глаза, он ощущал этот горячий и возбуждающий поцелуй, чувствовал, как язык скользит по его рту, касается зубов, дёсен, захватывает его собственный язык, прикусывает нежную плоть внутри рта. Всё, что он мог сделать, — это глотать слюну Хэ Чжаньшу и вдыхать его горячее дыхание.

Пальцы Хуан Сяодоу крепко сжимали воротник Хэ Чжаньшу, словно боясь, что тот вот-вот исчезнет.

Он неуклюже поддавался его движениям, учился дышать во время глубокого поцелуя, и, когда в голове началась нехватка кислорода, а в груди стало тяжело, Хэ Чжаньшу прижал его голову к своей груди.

Сердце Хуан Сяодоу билось как барабан, и сердце Хэ Чжаньшу тоже учащённо стучало.

Это наполняло Хуан Сяодоу невероятным волнением и удовлетворением.

В этих чувствах теперь были вовлечены оба! Не он один.

Он отпустил воротник Хэ Чжаньшу и обхватил его за талию, прижавшись лицом к груди, глубоко вдыхая едва уловимый аромат сандалового дерева, исходящий от его рубашки, — запах, который успокаивал.

Хэ Чжаньшу погладил его по спине и поцеловал в лоб.

— Я попал в твои руки.

Хуан Сяодоу рассмеялся и крепко поцеловал его в щёку. Революция удалась!

Если бы не собака, которая ткнулась носом в его пятку, они, пожалуй, обнимались бы до скончания веков.

Хэ Чжаньшу принёс из комнаты плед, накрыл им ноги Хуан Сяодоу, поднял его ногу и начал массировать.

<http://bllate.org/book/15289/1350810>